

Мокрая и наглая весна взялась ниоткуда и расшатала мое юное сознание. Еще вчера я смотрел вокруг прямо и спокойно: кругом лежали непоколебимые снега – я любил это морозное, застывшее бытие.

Но весна оказалась особенной. От резкого, яркого света и тяжелых мокрых сугробов, тающих на солнце, от превращения, что совершилось за считанные дни, оттого, что жаркие пылающие ангелы в спешке переплавляли мир, я первый раз в жизни ощутил необычную немую душевную ломоту. Если б я мог трезво рассуждать в то время, я бы сказал себе: успокойся, перетерпи. Все это потому, что наши корни вплетены в этот мир, им сотни тысяч лет, и ты – словно дерево. Только малая часть тебя способна сопротивляться, но и ей иногда приходится туго. Однако же в то время я знал мало мудреных слов, и мне нечем было себя успокоить. Поэтому я глупо мучился и держал на хрупких детских плечах глыбу нового опыта: меня душила черная тревога и необычная, взрослая печаль – будто я был столетний старик.

После уроков мы с Толиком бродили около школы. Я искренне желал поделиться с другом важным опытом самопознания, но мне приходилось молчать, потому что в тот день мы здорово разругались и чуть не подрались из-за возникшей ниоткуда и уже пропавшей глупости. Поэтому мы хранили независимый и гордый вид. Из вежливости мы перебрасывались короткими фразами, отпуская замечания по поводу битвы разгоревшейся перед крыльцом – парни разделились на две команды и с криками забрасывали друг друга тяжелыми мокрыми снежками.

У школы мы собирались меняться вкладышами от жвачек. Толик был первым коллекционером вкладышей с машинами. Мой друг держал накопленное в трех коробках из-под обуви, и если б за каждый фантик давали по рублю, он стал бы миллионером. Особенно его привлекали какие-то красные спортивные машины с белыми полосками на капоте. Они попадались крайне редко, и поэтому мой друг охотился за ними неустанно.

Из школы выскочил наш приятель Витька и подбежал к нам. Толик не спеша открыл портфель и вытащил подлежащее обмену. Витек отдал вкладыши. Толик внимательно их рассмотрел и сказал:

– Витян, это другие.

– Как так! – притворно воскликнул хитрый Витька.

– Мне другие надо. Тут черная машина. Мне нужна красная.

– Я вчера отдал такие Вовчику. На пугач поменял.

– Дурить меня будешь? – Толик схватил Витька за ворот.

– Ты чего, Толян, я перепутал просто!

– Ладно, дуй. Эти тоже пригодятся, – завершил разговор Толик.

Мы послонялись вокруг школы, раздумывая, вступить нам в снежную потасовку или нет. У двери в спортзал, одетые в спортивные костюмы, курили старшие парни. Один из них крутил на указательном пальце баскетбольный мяч. Еще один показывал остальным, как правильно бить «с вертушки». Он подпрыгивал и рассекал воздух ударами ног, как бешеная мельница. Мы постояли рядом, слушая их разговоры. Но скоро они вернулись в зал, все остальные тоже разошлись, и ничего интересного около школы не осталось.

– Надо топтать к Вовчику, – сказал Толик.

Он боялся, что упустит редкие машины.

Наш приятель жил на окраине. Мы решили сократить путь и выбрали тропу, что тянулась позади домов через поле. Кругом бурлили грязные и шумные ручьи. Они рыли в снегу глубокие норы. Мы плелись по снежному месиву – глубокий след сапога тут же заполняла холодная темная вода.

Я чувствовал, что сумею я каким-то образом проникнуть внутрь себя, в грудную клетку, схватить и отодрать то, что вцепилось изнутри в меня, – и все пройдет. Мне казалось, будто эта хворь – какой-то душевный зуд, разновидность прилипчивой заразы. Я пытался свою болезнь хоть как-то определить в словах и, конечно, совсем не преуспел в этом, но еще больше ухудшил свое и без того гадкое состояние духа – да еще и холодной воды в сапог зачерпнул.

Мы поднялись на холм, где стоял новый, еще не потемневший от времени дом, в котором жил наш приятель. Не успели мы подойти к двери, как худющая длиннолапая гончая бросилась на нас из конуры. Собака заливалась лаем и то прыгала на нас, то припадала к земле. Мы отмахивались от нее портфелями.

Из дома вышла сестра нашего приятеля Вовки.

– Найда, фу! – крикнула она.

Услышав команду, собака сделала широкий круг, взяла на тропе след и резво убежала прочь.

Я смотрел на девушку, на ее лицо в веснушках, на русые волосы, искрящиеся на солнце, и вдруг как-то особенно остро пожалел, что она такая взрослая и наверняка скоро куда-нибудь уедет.

– Вы к Вовчику? Его нет, – сказала сестра. – Он к Роме ушел.

Мы пошли обратно. У подножия холма находился большой прямоугольный пруд. Мы видели плот из березовых бревен. Он вмерж в толстый лед в тени крутого дальнего берега. Толик рассказал, как прошлым летом они с Вовкой катались на этом плоту и гигантская щука переломила хвостом багор, которым они отталкивались от илистого дна, так что они с трудом добрались после до берега. Я представил себе этот щучий хвост, пятнистый и гибкий, подобный по размерам хвосту нильского аллигатора, и, вместо того, чтоб поверить словам друга, сказал:

– Врешь ты все.

– Не веришь – не верь, – ответил безразлично Толик.

Мой друг ушел далеко вперед. И даже по тому, как он развязно размахивал портфелем, по тому, как он сталкивал на затылок шапку, я видел, что он сейчас презирает меня за неверие в его историю про исполинскую шуку, способную крушить весла и багры и топить плоты и лодки.

Я подобрал с земли щепку, достал из кармана перочинный нож, проковырял в щепке дырку, засунул туда лучинку, отрезанную от этой же щепки, и на лучинку нацепил в качестве паруса вырванный из тетради клетчатый листок. Парус получился выпуклый, словно грудь гордого генерала.

Вдоль деревянного тротуара бежал бурный ручей. Я запустил корабль по этому ручью, и он полетел вперед, размахивая белым парусом, подпрыгивая и закручиваясь на порогах. Когда корабль обогнал Толика, мой друг принялся кидать в него снежки – они разбрызгивали воду и взрывались вокруг. В ответ я засветил снежком Толику в спину. Вторым промазал. Мой друг ответил. Я закрылся портфелем. Снаряд разбился о школьную сумку, мокрый снег попал мне за шиворот, и я тут же ответил еще раз, но опять промахнулся.

– Ты чего, как баба, в спину кидаешь, а? – заорал Толик и швырнул в меня еще один снежок.

– Я ты чего мой фрегат топишь? Сделай свой и топи сколько влезет! – закричал я в ответ.

Толик отвернулся, и мы продолжили наш путь как и раньше: мой друг независимо шагал впереди, а я держался за ним.

По утопающей в слякоти улице мы с трудом пробрались к дому, где жил наш приятель Ромка, и постучали в окно. Никто не выглянул. Услышав голоса, мы пробрались через темную ограду, где пахло старым сеном и мышами. Позади дома мы нашли Вовчика и Ромку. Они стреляли из пневматической винтовки по галкам – крикливые птицы расселись на высоком сухом тополе. Ромка сидел на деревянной бочке и стучал по ней пятками. Он держал в руках коробку с пульками и со знанием дела рассуждал о баллистике. Вовка, низенький и лопухий парень, долго прицеливался, швыркал носом и гримасничал, закрывал то один глаз, то другой и наконец спускал курок. Они словно не заметили, что мы появились рядом, но при виде нас заговорили еще горячее о ружьях, снайперских выстрелах и подбитых галках. Ромка давал советы, показывая пальцем на дерево. Вовка с ненужной силой ломал ружье и с лязгом его захлопывал. Я с тяжелой завистью смотрел на упражнения в стрельбе, на такие заманчивые ребристые пульки в картонной коробке.

– Вовчик, мы к тебе, – вмешался в их разговор Толик и рассказал приятелю про неудачный обмен.

– Не знаю. Может, и разменяю. Мне они тоже нужны, – ответил Вовчик уклончиво.

И он снова особенно ловко ломал ружье, вставлял пульку, с силой захлопывал оружие, так что оно приятно и громко клацало, и вскидывал его к плечу. Я решил остаться и поглазеть, подстрелят ли они галку. Я завидовал нашим приятелям, а Толик вообще не мог вынести вида чужой пневматической винтовки, потому что владеть этим оружием значило – быть предельно счастливым. Однако же он повременил уходить. Не выдержав в конце концов – палить по галкам, даже каждый выстрел мимо, в тысячу раз веселее, чем за этим наблюдать, – он сказал:

– Ветром сносит – не видишь, что ли. Бери правее.

Тут я с ним согласился – совет прозвучал разумно и убедительно. Мы с Толиком переглянулись и покинули стрельбище.

На улице нас окликнула мамаша Ромки – тяжелая, широкая женщина с головой в черных буйных кудрях.

– Вы к Сережке сейчас? – сказала она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Так занесите ему, Наталья Сергеевна просила.

С этими словами она вручила Толику синий бидон.

Толик открыл крышку, заглянул внутрь, сморщился и произнес:

– Тащи.

– Ну и фиг ли, – ответил я, принимая бидон, – и поташу, чего мы, не к Серому, что ли?

– Вот и пейте с ним это молоко. Будете как эти – молоковозы, – ответил Толик.

Серега жил в обветшавшей двухэтажке. Мы не застали его дома. Мы долго звонили в дверь, надеясь избавиться от бидона, и разглядывали исцарапанные ключами стены: «Алиса», «Кино», «Цой жив» и «БГ» – дело рук старшего брата Сереги.

Мы снова пошагали прочь: раз уж день не заладился, стоило просто пойти наугад. Мы сделали порядочный круг, и весеннее светило жарило нас то справа, то слева, то пекло затылок.

– Где этот чувырло?! Ходим, как придурки, с бидоном чужого молока, – ругался по дороге Толик.

Я решил поднять настроение друга и достал свой новенький пугач. Этот инструмент был выкован из толстой медной трубки. В портфеле я выделил под него отдельный отсек и, кроме этого устройства и коробка спичек, ничего там не хранил. Я достал спички. Накрошил в трубку три головки, подумал и добавил еще одну – для большей радости. Старательно размолот заряд гвоздем, взвел, вытянул руку в сторону, зажмурился и, нажав на резинку, спустил гвоздь. Пугач только щелкнул. Я взвел еще раз – снова осечка. Я решил, что это из-за влажности воздуха, про которую говорила по телевизору улыбчивая женщина, и, разозлившись и на эту влажность, и на эту женщину, сунул пугач обратно в портфель.

Вскоре мы нашли Серегу. Он стоял на мосту. Здесь мы иногда ждали друг друга, если кто-то из нас запаздывал из школы. Серый наполовину перевесился через перила и размахивал портфелем из стороны в сторону, будто хотел забросить его подальше.

Рыхлый снег на реке истоптали последние рыбаки. Река медленно выгибала спину, чтоб сломать хрупкий лед. Раскатистый треск должен был вот-вот зазвучать, если подождать еще пару минут.

– Ты чего тут? Сброситься решил? – спросил Серегу Толик.

– Ты чего с бидоном? – буркнул Серега, глядя на меня.

– Тебе ташу, – ответил я.

– Скисло уже все, – добавил Толик.

Серый нахмурился и взял у меня бидон. Серега гармонично дополнил нашу горестную компанию: его угрюмый и настороженный вид отлично вписался в наше тугое молчание. Втроем мы побрели дальше, почти не разговаривая.

Вскоре на дороге мы увидели кровь – она глубоко прожгла снег. Испуганные и взволнованные, мы свернули в проулок, куда вела цепочка красных следов, и на обочине дороги увидели грязный «уазик». Около машины курили милиционеры с ружьями на плечах.

Отстрел собак.

О нем объявили заранее, и я понял, что забыл напомнить деду о том, чтоб он привязал нашего рыжего пса. Я побежал домой изо всех сил. Толик побежал со мной. Мы вместе научили моего пса подавать лапу, сидеть и лежать – голос подавать так и не научили, – и теперь он у всех кланчил еду своими номерами: попеременно выкидывал то одну, то другую лапу, потом садился, потом вставал и вдруг припадал к земле – и после все сначала.

Мы с Толиком то бежали, то, совсем задохнувшись, шли пешком в гору. Я представил, что сейчас увижу свою собаку совсем мертвую где-нибудь на грязной обочине, подстреленную. Что я буду делать тогда? Понесу ее на руках. Похороню в снегу, под яблоней, думал я горько, сколочу и поставлю на ее могиле собачий хлипкий крест.

Серый не мог бежать из-за ценной ноши. Он далеко отстал от нас и только изредка припускал трусцой. Впрочем, как он ни берегся, он поскользнулся и расплескал половину молока. Ко всему этому, навстречу нам попались крикливая орава старших парней из соседнего поселка, учившихся в нашей школе. Мы послужили для них отличной бегущей мишенью. Они со смехом швырнули в нас с десятков снежков, твердых, будто ядра. Мне попали в спину, Толику угодили по башке, Серому не попало, но один снежок вцепился со скоростью метеора в бидон, отчего у того слетела крышка и, перевернувшись, злосчастный сосуд выплеснул остаток молока. Осталось на дне, – наверное, с полкружки. И от этого Серега стал предельно мрачен, потому как предчувствовал домашнюю ругань.

В темной ограде, где стоял кислый запах сена и хлева, лежал мой бедный пес. Его шею крепко охватывал широкий кожаный ошейник, от которого к скобе, вбитой в стену, тянулась новая блестящая цепь. Собака лежала неподвижно, прижав уши к умной башке. Пес постучал хвостом по земле, когда мы вошли. Его сажали на цепь пару раз в году за какие-нибудь уж очень дрянные провинности – этой зимой, к примеру, ему удалось похитить кусок мяса, когда дед разделявал забитого теленка, – и поэтому пес чувствовал, что его наказали самым страшным способом, но не понимал за что.

Дед, сутулый, в валенках и незастегнутой фуфайке, работал в ограде. Он перебрасывал мешки с мукой в громадный ларь.

– Все грызет, грызет ошейник-от, – проворчал дед, увидев нас.

Я был рад за собаку, но не настоящей, а холостой, беззвучной радостью. К разодранным облакам на небе, к тающим грязным сугробам на обочинах и порывистому ветру словно бы примешалась алая собачья кровь и хлопки выстрелов, и резко оборвавшийся вдалеке тонкий визг. И теперь весь этот мир навалился на меня разом.

– Ни фига не случилось с твоей псиной, а я вот молоко разлил, – повторял Серега грозно и монотонно, как заклинание, на обратном пути.

– Серый, – сказал я ему, – фиг ли твое молоко?

Но я не сумел сравнить на словах собачью жизнь и его никчемную потерю. Не получилось. Только вдобавок разозлился еще и на Серегу, повторяя в голове одну и ту же мысль: «Собака – она живая, она одна, а молока у коровы целое вымя каждый день».

Нужно было переползти этот день по дороге, то размытой, в слякоти, то скованной льдом. Толик потирал ушибленную снежком голову. Серый с унылым выражением лица изредка заглядывал в бидон: он открывал крышку в надежде, что молока там прибавится каким-то чудесным образом хотя б на два пальца. Я соскребал спички в пугач, чтоб громко выстрелить из него и спугнуть свою тяжелую тоску. Я подолгу

смотрел на солнце сквозь полуприкрытые веки и повторял в уме, словно заговор, бессмыслицу из слов, случайно пришедших на ум.

Мы тащились по дороге. Навстречу нам брела кобыла, запряженная в широкие деревянные сани. За повозкой шли люди в темных одеждах. Бородатый старик в лохматой шапке правил лошадь. В санях спиной к нему сидела женщина. Она кидала в слякоть, в глубокие следы полозьев, еловые ветки.

Какая-то тетка выходила на дорогу, но, увидев это мрачное шествие, она поторопилась и свернула в проулок, будто лошадь могла взбеситься и рвануться прямо на нее. Две старухи громко спорили на обочине, размахивая клюками. Увидев сани, они отступили с дороги и скрылись на соседней улице. Впереди саней, прихрамывая, шла женщина в черном пальто, пуховом сером платке, который она постоянно поправляла, и серых валенках с кожаными заплатами. Она несла на руках, как ребенка, сверток в желтом полотенце и поглядывала на людей, стоящих в проулках подальше от повозки. Тетка заметила нас, унылых, еще издалека и подбежала, такая радостная, будто вот-вот сбросит тяжелую неловкую ношу со спины или избавится от ноющих болей. Задыхаясь, она произнесла скороговоркой заранее заготовленные слова – мы ничего из них не поняли – и вручила нам сверток.

Лошадь, сонная и толстобрюхая, с растрепанной длинной гривой, кивая головой, прошагала мимо нас. Она глубоко зарывалась тяжелыми копытами в рыхлый снег. Протащились со снеговым шелестом сани, где на соломе лежал гроб – простой длинный ящик. Затем толпа, колыхаясь, прошла мимо, и вскоре печальная процессия скрылась за поворотом.

Мы отступили на обочину и развернули полотенце. Там оказался пакет с конфетами и три куска мыла.

– Опа! – воскликнул Толик и тут же запихнул одну конфету в рот.

– А может, нельзя брать-то сразу и жрать? – опасливо спросил суеверный Серега.

– Не хочешь жрать конфеты – жуй мыло, – Толик захохотал и сунул ему в карман куртки кусок мыла. – Будешь пузыри пускать изо рта!

– Э-э-э, чего творишь, чудило! – засмеялся Серега и потянулся к свертку.

Толик увернулся, запихивая следующую конфету в рот.

– Все мое! – сказал он, пережевывая с хрустом карамельку.

– Толян, делись! – вступил я в дело и схватил его за рукав.

Толик вырвался и чесанул по улице прочь от нас.

Мы смеялись, задыхались на бегу и швыряли в Толика рыхлые снежки.

Толик пригибался и бежал зигзагами по дороге от одной обочины до другой. Мы догнали его, потому что ему приходилось держать в одной руке портфель, а под мышкой сверток, и наш друг в упор с размаху швырнул в нас горстью конфет. Серый чуть было не схватил Толика, но тот отскочил и подставил ему ногу. Серый закрутился, удерживая равновесие, и с хохотом шмякнулся на спину, так что шапка с него слетела и далеко разлетелась по дороге и его портфель, и загремевший бидон. А я со всего разбега, с рычанием, налетел на Толика, сбил его плечом, и мы, вцепившись друг в друга, с диким ором перевалились через сугробы на обочине дороги и покатались под гору, рассыпая по снежному склону яркие конфеты.

Наверху бродил Серый, что-то кричал нам, ругательное и доброе, и подбирал с дороги трофеи. А мы внизу смеялись до рези в животе и не могли остановиться, и боролись, утопая в сугробах, и швыряли друг другу в лицо и за шиворот пригоршни талого снега.